

Вырезка из газеты

КРАСНЫЙ СЕВЕР

г. Вологда

Играть без отказа

Актерам нередко снятся «профессиональные» сны. Иногда это — «страшные» сны: кажется, что забыты слова или опаздываешь на выход или — хуже того — срываешь роль...

Но иногда снятся заветное, то, что не сбылось, то, что не игралось, и вдруг неожиданно настало, это «играешь», в этом живешь и это — подобно взлету.

«Как играют алмазы, как играет вино,
Как играть — без отъезда иногда суждено».

Вот уже год как Леонид Сергеевич Державин не выходит на сцену. Но театр, как и прежде, — в нем: в его мыслях, разговорах, переживаниях.

И в его воспоминаниях — воспоминаниях заслуженного, старого актера, сыгранных сотни ролей. А что вспоминается? Чаще всего несколько, три-четыре-пять ролей. Такова актерская судьба. Играешь всю жизнь. А в душе, как редкие удачи, остаются редкие роли.

Часто Леониду Сергеевичу вспоминается его Крутицкий из спектакля по пьесе великого Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Крутицкий — не человек, это — страсть. Но страсть — низменная, искажающая все человеческое — стяжательство. Обладатель целых богатств, он притворяется бедняком, он готов драться с мальчишкой из-за брошенной копеечки. Но все же Державин играл Крутицкого по-своему: в этом стяжателе перед гибелью просыпался человек. И он как бы впервые и с удивлением видел высокое небо, яркое солнце, огромный, радостный мир вокруг... И так всегда: даже играя отрицательных персонажей, исследуя тяжелые, порочные человеческие чувства и страсти, актер Державин утверждал то высокое и светлое, что есть в человеке...

* * *

Почему он стал актером? Трудно ответить — почему. Во всяком случае влияния среды не было. Рос без матери. В суровые годы гражданской, выполняя большевистское задание на Урале, она была схвачена белыми... Ее расстреляли...

Мальчик воспитывался в доме ее родственников. Здесь были против его театральных увлечений, и в этом имелся свой резон. Урал в тридцатые годы был огромной строительной площадкой, и технические профессии по праву считались самыми нужными. И он — еще юношей — тоже был увлечен всеобщим пафосом строительства. Работал на заводе, был электриком, затем машинистом электрокрана. Это было интересно. Но все же творчество властно влекло его к себе. Писал стихи, увлекался журналистикой. Но сильнее всего оказалась любовь к театру. И когда однажды узнал о наборе в Свердловский театр наиболее способных девушек и юношей, подал туда заявление... Так он попал в театр. Довелось увидеть больших мастеров сцены, воспитанных еще в период расцвета русского классического театра. Испытал их влияние. Но всякое бывало. Подумывал даже уйти из театра. Но не смог. Театр стал его жизнью.

И начались поиски. Поиски себя в театре. Много лет, как он сам говорит, «двоился»: был и режиссером, и актером. Но все же в конце концов сам сделал выбор: «Как режиссер я не добиваю, мне это мешает расти, я — прежде всего актер». Были поиски себя как актера. Начиная с образов наивных, добродушных, бескорыстных людей. Простаков? Да, что-то вроде и простаков. И в то же время — в силу своей непосредственности способных подняться над обыденностью. Это хотя бы роли из того же любимого им Островского — Дармидон в «Поздней любви», Кисельников в «Пучине», Робинзон в «Бесприданнице». Рано проявились в нем комедийные способности, в этом плане итоговая роль, в которой шел через годы, — Щукарь в «Поднятой целине». И особенно влекли, давали возможность проявить себя роли острохарактерные, герои, обуреваемые накалом чувств, страстей. Помнится актеру его старик Руже в спектакле «Хищница» по Бальзаку. Этот спектакль был поставлен в Вологде в середине шестидесятых годов режиссером из Польши Матильдой Крыгер и шел с большим успехом.

И были поиски своего театра. Беспокойная, бродячая жизнь актера. Многие театры. В том числе: Свердловск, Златоуст, Пермь, Воткинск, Абакан, Красноярск, Ачинск, Армавир, Кустанай, Липецк, Вологда, Ульяновск. Были, как он сам говорил, «счастливые периоды». Ачинск, 40-е годы — интересная труппа, работы с большим режиссером А. Я. Волгиным. И с 1960 по 70 годы — Вологда. Вологодский театр того времени, возглавляемый А. В. Шубиным, — это хороший репертуар, интеллигентность, умная режиссура, сильный актерский состав, в котором было интересно работать. Здесь за мастерское исполнение роли Перчихина в «Мещанах» Горького Леониду Сергеевичу в 1965 году присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

В Вологде сыграны многие крупные роли в советских пьесах, создана целая галерея наших современников. Диплом — за секретаря райкома Теньгаева в спектакле «Мое сердце с тобой».

Журнал «Театральная жизнь» писал тогда: «Его суждения убедительны, мысли взвешены — и это привлекает к нему, рождает симпатию». О небольшой, но емкой и яркой роли часовщика в «Кремлевских курантах», отлично сыгранной актером, журнал «Театр» писал пространно и уважительно: «Превосходный актер Л. Державин неуклонно ведет своего героя к главному моменту своей жизни: ему поручают «заставить ходить» часы на Спасской башне». И далее журнал подробно останавливался на тонкой, детальной, целенаправленной игре актера. Острохарактерная роль бывшего купца, а затем кладбищенского сторожа Приходько, сыгранная Державиным в спектакле «Тяжкое обвинение» Л. Шейнина, также привлекла внимание «Театра». Журнал рассказывал об игре Державина: «Он в гриме доброго пьяницы, кладбищенского философа — дальний потомок шекспировского могильщика. Само злоязычие его добродушно и легкомысленно. Это — отличный концертный номер..., доставляющий зрителю удовольствие своей фарсовой комичностью. И одновременно — достоверностью». Высокие отзывы из прессы можно продолжить.

* * *

Но как сам актер оценивает свой творческий путь? «Не добрал я, сделал меньше, чем мог...» — так говорит он. И поясняет: «Человек должен жить одной страстью. А я...» Он много метался, много искал. Но он не искал положения, не требовал наград. Он всегда чувствовал себя рядовым театра. И делал то, что было надо театру. И игралось то, что «надо».

Много сил отдал общественной работе. Организовывал гастролы на селе, воевал за них. Сотрудничал в газетах. Жил беспокойно, что-то отрывал от творчества...

И не дают покоя ему не сыгранные им роли, которые так и не получил, не сыграл: дядя Ваня по Чехову, Мармеладов по Достоевскому, Старик по Горькому... И кажется, в этих ролях — можно как бы взлететь, подняться...

Роли и спектакли — недолговечны. Они стареют, как люди, они уходят. Но что же остается? Может быть, и позабылись некоторые роли, сыгранные актером Державиным, но мы помним о нем как об актере умном, интеллигентном, мастере широкого диапазона.

И верится, что Леонид Сергеевич Державин еще выйдет на сцену, еще сыграет перед вологодской публикой.

В. АРИНИН.